

Свой психоаналитический язык в отношении репрессивности пришедшей к Индии практике истории А. Нанди также ограничивает словами о забвении и молчании [5, р. 66], историческом сознании [5, р. 65].

Если нет четкой формулировки причин того, как исторические знания реализуются как стратегия британской колониальной власти, и работа ведется только лишь с целью продления ряда означающих, то что же тогда есть причина этого процесса? Трактовка причины зависимости исторических знаний от феномена власти в постколониализме напоминает использование Ж. Лаканом концепта «реальное». Концепт «реальное» не представляет реальности, но это нечто, что, находясь вне дискурса, в тоже время предопределяет его конфигурацию. Это травма, которая всегда с нами, оставаясь невыразимой. Функционирование «реального» схоже с тем, как Х. Бхабха раскрывает механизм действия оппозиции до-современная Индия – современная Британия, не обращаясь к конкретному анализу создания и развития понятий и категорий истории как дисциплины или формы общественного сознания, а утверждая, что современность – это никогда недосыгаемый объект желания для живущего в до-современности.

Что же такое бессознательное? Если причину репрессивности дискурса можно охарактеризовать лишь, используя сам же этот дискурс, то, следовательно, и бессознательное будет находиться в этом дискурсе. Так оно и есть. Бессознательное есть собственно история. Нельзя, например, написать историю бессознательного. А. Нанди не выходит за рамки разъяснения причин репрессивности истории, основывающегося на генеалогии отношения истории к понятию прошлого. А. Нанди приходит к выводу, что в цивилизации, где много прошлых, охватывающих много болезненных воспоминаний и враждебных чувств, абсолютизировать их при помощи европейской концепции истории значит атаковать организующие принципы цивилизации [5, р. 65].

Размывание психоаналитического языка, растворение его в дискурсивных практиках, потеря четко выстроенных рядов от сознания к бессознательному, потеря ссылок на структурирование психики личности неизбежно в условиях развития рассмотрения становления психоаналитического подхода в колониальных условиях Индии. В исследованиях взаимоотношений между британским колониализмом и психоаналитическими практиками, теориями, «психическим» в Индии недостатка нет [3, 8].

Психоаналитический метод ориентирует на более чуткое отношение к генеалогии исторического дискурса в колониальной Индии. Более чуткое, чем описание того, в каких произведениях каких британских и индийских историков появлялось то или иное историческое понятие. Изучение роли колониальных исторических знаний выходит за рамки работы с исторической дисциплиной. В сочетании с постколониальной деконструкцией оппозиции до-современная Индия – современная Британия, это позволяет применять концепты травмы, вытеснения, откладывания для оценки сложившегося исторического разрыва между постоянно убегающим вперед Западом, Европой и постоянно его догоняющими Индией, Пакистаном, Бангладешем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саид, Э. Ориентализм: западные концепции Востока / Э. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Рус. мир, 2006. – 636 с.
2. Fanon, F. Black skin, white masks / F. Fanon ; transl. C. L. Markmann. – New York : Grove Press, 1967. – 232 p.
3. Hartnack, C. British psychoanalysts in colonial India / C. Hartnack // Psychology in twentieth century thought and society / ed.: M. G. Ash, W. R. Woodward. – Cambridge, 1987. – P. 233–251.
4. Lacan, J. Écrits: a selection / J. Lacan ; transl. from the French A. Sheridan. – New York : Norton & Co, 1977. – XIV, 338 p.
5. Nandy, A. History's forgotten doubles / A. Nandy // History a. Theory. – 1995. – Vol. 34, № 2. – P. 44–66.
6. Nandy, A. The intimate enemy: loss and recovery of self under colonialism / A. Nandy. – New Delhi [etc.] : Oxford Univ. Press, 1983. – XX, 121 p.
7. Postcolonial studies reader / ed.: B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. – London ; New York : Routledge, 1995. – XVIII, 526 p.
8. Srinivasan, S. K. Freudian doubles: psychoanalysis and governance in colonial India / S. K. Srinivasan // J. of Humanities a. Social Science. – 2014. – Vol. 19, № 10. – P. 41–53.

ДОМИНИОНЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ФИНАНСОВО-ТОРГОВОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Семенова Л.Н. (г. Минск, Беларусь)

Характеризуя противоречия Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, приведшие ко Второй мировой войне, принято выделять два или три центра силы со своими метаидеологиями: капитализм и социализм, или либеральная демократия, фашизм и социализм. При любом раскладе Великобритания и США попадают в один центр: капиталистический и демократический, тем более во Второй мировой войне страны были союзниками по антигитлеровской коалиции и совместно открыли второй фронт в помощь Советскому Союзу. Между тем в межвоенный период ткань отношений между странами, прикрывавшая их внутренние неурядицы, превратилась в настолько болезненный нарыв, что излечить его в рамках существующей системы можно было лишь хирургическим, т.е. военным путем.

Болезнь настигла не внезапно, она была вызвана особенностями развития мировой капиталистической системы. Лидерство в ней не вечно, и даже не долго. Связанное с цикличностью капиталистического накопле-

ния, оно длится, как правило, не больше века. Уже у концу XIX в. лидерство Великобритании с появлением конкурентов в лице США и Германии пошатнулось. На протяжении практически пятивековой истории мировой капиталистической системы смена циклов капиталистического накопления и соответственно лидерства всегда происходила в результате войн. Главный нерв и Первой и Второй мировых войн был вызван стремлением Великобритании удержать свое лидерство в капиталистической миросистеме, что мировая капиталистическая верхушка умело использовала в своих финансовых интересах. По итогам Первой мировой войны поверженную Германию жестко наказали. А США, изрядно обогатившись, продолжали наращивать свою экономическую мощь. И между странами одной культуры и языка, связанных единой пуповиной, но по воле мировой по сути уже англо-американской финансовой олигархии оказавшихся на соседних ступенях капиталистической иерархии, неизбежно разгоралась нешуточная борьба, всполохи которой ощущались в разных концах земного шара.

Страна-лидер всегда была на пике мировой финансовой пирамиды, являясь мировым кредитором и определяя финансовую политику и валютный курс во всем мире. Финансовая система Pax Britannica была основана на принципе золотого стандарта и всесии английского фунта стерлингов. Однако, Первая мировая война привела к настоящему перевороту в финансовом мире. В решительное наступление на английский фунт пошел американский доллар, правда не столько доллар США, сколько доллар Федеральной резервной системы (ФРС).

Золотой запас США в период с 1914 по 1924 гг. увеличился с 1924 млн до 4499 млн долларов, что составляло по подсчетам экономистов примерно половину всего золота мира. В итоге доля США в мировом промышленном производстве возросла более чем в два раза, достигнув 43 %, а национальное богатство страны увеличилось на 40 % [2, с. 607]. Это привело к тому, что США из страны должника превратились в страну – мирового кредитора. На международной экономической конференции в Генуе в 1922 г. не только фунт стерлингов, но и доллар США были объявлены эквивалентами золота и международными платежными средствами. В 1918 г. Дж. М. Кейнс в письме к английскому министру финансов Б. Лоу прозорливо предупреждал: «Американское министерство финансов смотрит с удовлетворением на то, что мы ослабеваем до положения полной финансовой беспомощности и зависимости» [1, с. 184].

Это быстро почувствовали на себе британские доминионы: Канада, Австралия, Новая Зеландия. Все они активно развивались в качестве аграрно-индустриальных переселенческих колоний за счет средств из метрополии, имея перед ней большой внешний долг. Уже к концу XIX в. доминионы стали одними из самых высокооблагаемых различными налогами стран. Но будучи уверенными в богатстве и платежеспособности Великобритании, они не беспокоились по поводу собственных долгов. Рассуждали примерно так, что займы они берут не у собственных подданных, а в Колониальном банке Великобритании, который и был создан «мудрой метрополией» для помощи своим подопечным территориям. Высокий государственный долг не привел к появлению большой коррупции среди правящих кругов. Однако самым серьезным оправданием внешнего долга был аргумент, на что он тратится. А тратился он действительно на реальные нужды общества: на транспортную инфраструктуру, ирригацию, систему страхования, социальную политику, по результатам которой доминионы вышли на рубеже XIX–XX вв. в лидеры всего мира. И как бы ни критиковали правительства доминионов за то, что они поставили свои страны в полную зависимость от банковских интересов Англии, они считали такое положение вполне нормальным, а, например, новозеландские государственные деятели вообще полагали, что это они заставили банки Англии служить интересам рядовых граждан Новой Зеландии [7, р. 38]. Но теперь ситуация изменилась. Как метко определил австралийский историк С. Макинтайр применительно к Австралии, «проект национального строительства зашатался под тяжестью внешнего долга и увеличившейся зависимости» [3, с. 185].

Как должное доминионы восприняли программу всеобщего прощения долгов, которую премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж объявил в 1922 г. в надежде, что и американцы пойдут им на уступки. Но когда американцы проявили твердость, глава Английского банка М. Норман для укрепления фунта стерлингов повысил процентную банковскую ставку. Более того в 1925 г. Британия установила золотой стандарт, искусственно накачав заемными капиталами фунт, ставший «сильнее» доллара. Это привело к притоку капиталов в страну, в том числе и из доминионов, но ухудшило производственный климат во всей империи, существенно повысив безработицу. «Просперити» 1920-х гг. в доминионах было весьма вялым.

Доминионы со значительной долей сельского хозяйства в экономике с трудом преодолевали затяжной аграрный кризис. Приток фермерства практически прекратился или был крайне незначительным. Прибывавшие мигранты оседали в городах, пополняя и без того уже немалые ряды безработных. Так в Канаде в 1921–1931 гг. число ферм выросло с 711 до 728 тыс., но при этом число фермеров-собственников сократилось на 4,7% [6, с. 154].

Для оживления экономической активности нужны были не только люди, но и инвестиции. На имперских конференциях 1920-х гг. австралийский премьер-министр С. Брюс неустанно повторял броскую формулу: «Развитие империи зависит от трех вещей: людей, денег и рынков», ставшую известной, как проблема «3 m» (men, money, markets)» [3, с. 201]. Поскольку денежный поток из Великобритании иссяк, инициативу инвестирования уверенно перехватили США. В 1922 г. доля американских и британских инвестиций сравнялась в Канаде. В рамках интеграции экономик в единый регионально-хозяйственный комплекс при десятикратном превышении американского сегмента обозначилась полная зависимость канадской экономики от экономической конъюнк-

туры США. При этом канадское правительство У.Л. Макензи Кинга в 1924 г. отменило налоги на прибыль, что, конечно же, очень понравилось американским промышленникам [6, с. 159]. Американские компании напролом шли в Австралию и Новую Зеландию. Красноречивым примером тому стало нашумевшее дело американской пароходной компании «Мэтсон навигейшн компани». В 1931 г. компания, обслуживавшая пароходную линию Сан-Франциско – Сидней, продолжила ее до Окленда, нанеся английской компании «Юнион ройял мейл» болезненный удар. Против американской компании выступили профсоюзы моряков и докеров, с соответствующими меморандумами протестов выступили австралийское и новозеландское правительства [4, с. 186]. Но не каждому подобному делу придавалась широкая огласка. В конце концов, как сказал новозеландский премьер-министр Р. Стаут: «Людам в колониях трудно смотреть на Соединенные Штаты как на иностранную державу. Тот факт, что мы говорим на одном языке и в большинстве своем принадлежим к одной расе, связывает нас с ними гораздо больше, чем с европейскими государствами...» [5, с. 133].

В 1931 г. в разгар Великой депрессии, очень болезненно ударившей по доминионам, Великобритания учредила Стерлинговый блок, включивший в себя почти четверть населения Земли и до трети мирового товарооборота. Конечно же, Британия намеревалась включить в него все страны Британской империи. Но не получилось с Канадой, Ньюфаундлендом и Гонконгом, в которых уже хозяйничал доллар. В ответ США в 1933 г. создали аналогичный долларовый блок, в который вошла Канада. Кстати, в 1927 г. Канада и США установили прямые дипломатические отношения, минуя Великобританию.

Еще более активно США наступали на Великобританию в торговле, уже в 1920-е гг. серьезно потеснив ее даже на рынках доминионов. Так в 1929 г. доля экспорта Англии на рынках Канады составила всего 15 %, тогда как доля США – 68,6 % [1, с. 201]. Пытаясь справиться с мировым кризисом, доминионы стали активно искать рынки за пределами империи в США. В условиях отсутствия торговых договоров у США с Австралией и Новой Зеландией, у доминионов был постоянный дефицит в торговле с США. Так, в 1920-е гг. Австралия экспортировала в США товаров на сумму 85 756 тыс. ф. ст., а импортировала – на 296 215 тыс. ф. ст. [4, с. 186]. Доля Англии снижалась в торговом обороте и Новой Зеландии. Так, в 1934–1937 гг. доля экспорта в Великобританию сократилась с 81,6 % до 76 %. Английский импорт в 1937 г. составил 49,6 % в общем импорте Новой Зеландии [5, с. 124]. Вторым по значению торговым партнером Новой Зеландии стали США, только затем шла Австралия. Условия имперской торговли становились все менее благоприятными. Ее уверенно прибирали к своим рукам США. В настоящей торговой войне стороны использовали все возможные меры: манипулировали курсами валют, устанавливали протекционистские барьеры.

Попытка выйти из мировой торговой войны была предпринята на международной экономической конференции в Лондоне в 1933 г. СССР даже внес на рассмотрение пакт об экономическом ненападении. Однако участники конференции так и не смогли ни о чем договориться. Президент США Ф.Д. Рузвельт фактически заявил, что борьба с депрессией это внутреннее дело каждого государства, по сути признав, что мировая капиталистическая система с ней не справилась. Для выхода из депрессии американским капиталам и товарам нужен был простор в виде мировой свободной торговли. Более слабые, теперь уже и Британская империя, закрывали себя протекционистскими тарифами, валютными блоками и курсами. Неслучайно, важнейшей целью США в грядущей войне, к которой неизбежно катилась вся мировая капиталистическая система, стало уничтожение Британской империи. В августе 1941 г. Великобритания подписала предложенную США «Атлантическую хартию», в которой говорилось о свободе морей, свободе торговли и равного доступа к мировым сырьевым источникам. На Вашингтонской конференции в декабре 1941 г. было решено, что западная коалиция будет управляться из Вашингтона, чем, по словам Г. Гопкинса, Рузвельт «опустил англичан в ад» [1, с. 220]. Судьба Британской империи была решена. А доминионам нужно было думать о собственной серьезной реконструкции на долгом пути от колоний к нациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галин, В.В. Политэкономика войны. Как Америка стала мировым лидером / В.В. Галин. – М.: Алгоритм, 2012. – 400 с.
2. Кагарлицкий, Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
3. Макинтайр, С. Краткая история Австралии / С. Макинтайр; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2011. – 360 с.
4. Малаховский, К.В. История Австралии / К.В. Малаховский. – М.: Наука, гл. ред. восточной лит-ры, 1980. – 400 с.
5. Малаховский, К.В. История Новой Зеландии / К.В. Малаховский. – М.: Наука, гл. ред. восточной лит-ры, 1980. – 238 с.
6. Сороко-Цюпа, О.С. История Канады / О.С. Сороко-Цюпа. – М.: Высшая школа, 1985. – 304 с.
7. Hutchinson, R.H. The “Socialism” of New Zealand / R.H. Hutchinson. – N.Y.: The Linscott Publishing Co, 1916. – 134 p.